

Володенков С.В. Роль информационно-коммуникационных технологий в современной политике // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2018. Т. 18, вып. 2, с. 69–86.

УДК 32:316.77

DOI 10.17506/ryipl.2016.18.2.6986

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ

Сергей Владимирович Володенков

доктор политических наук, доцент,

доцент кафедры государственной политики факультета политологии
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия.

E-mail: s.v.cyber@gmail.com

Материал поступил в редколлегию 05.03.2018 г.

Статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с особенностями влияния технологических трансформаций в информационно-коммуникационной сфере на процессы политического развития, в аспекте изучения и анализа потенциала современных информационно-коммуникационных технологий как инструмента воздействия на общественное сознание. В работе показано, что развитие информационно-коммуникационных технологий в интернет-пространстве существенным образом влияет на содержательные параметры функционирования современных политических режимов, а также способствует эволюции традиционных моделей демократии.

В статье доказывается, что на сегодняшний день формируется такое общество, в рамках которого основной ценностью уже является не сама информация, а коммуникационные технологии и каналы коммуникации. Не информация, но коммуникативные связи и коммуникационные возможности оказываются основной политической ценностью в современном обществе. Политическая информация вне контекста возможностей ее использования в процессах коммуникационного взаимодействия, по мнению автора, теряет свою традиционную ценность. Напротив, основной ценностью, в том числе и политической, сегодня выступает возможность коммуникационного взаимодействия, в связи с чем современные коммуникационные технологии нацелены на создание эффективных глобальных форм коммуникации, новых механизмов коммуникационного взаимодействия.

Политическая стабильность современных политических систем становится напрямую зависимой от информационно-коммуникационного потенциала общественно-политических отношений и эффективности его реализации в актуальной политической практике со стороны государственных и гражданских акторов. Данное обстоятельство предъявляет особые требования к организации и реализации процессов современного политического управления как во внутренней, так и во внешней среде, протекающих на сегодняшний день в условиях активной конкуренции в национальном и глобальном коммуникационных пространствах.

По результатам работы сделан вывод о том, что технологические изменения информационно-коммуникационных технологий в Интернете значимым образом влияют и на функционирование самого общества, и на всю систему политического управления. При этом модели политического управления, предполагающие использование сугубо традиционных средств массовой коммуникации, будут терять свою актуальность и эффективность, объективно замещаясь новыми формами политической коммуникации в сетевом коммуникативном пространстве.

Ключевые слова: постинформационное общество, технологии коммуникации, интернет-пространство, сетевые сообщества, модели демократии.

Технологические изменения в информационно-коммуникационной сфере, появление и интенсивное развитие Интернета во многом предопределили появление нового, информационного, типа общества.

Несмотря на широкие дискуссии об особенностях и перспективах становления информационного общества, все оценки данного феномена имеют общую характеристику – информация является на сегодняшний день одним из ключевых ресурсов современной политической деятельности.

С появлением, развитием и активным распространением Интернета мировое сообщество стало функционировать в условиях глобального коммуникационного пространства, в котором разворачивается общественно-политическая жизнедеятельность.

В связи с этим представляется важным провести политологический анализ актуальной практики использования современных информационно-коммуникационных технологий, а также рассмотреть особенности их влияния на параметры общественного развития, в том числе в аспекте создания нового общественного уклада, а также трансформации процессов и механизмов распределения власти между государством и обществом в современном мире, что является крайне значимым в плане анализа изменения характеристик процесса современного политического управления.

К. Хайн писал: «Мы считаем, что сейчас настал момент для рефлексивного понимания технологического артефакта сети Интернет, которое откроет границы для проведения научных исследований» (Hine 2005).

На сегодняшний день коммуникация охватывает все области социальной действительности и по-новому организует протекающие в этих сферах процессы. Ввиду данного обстоятельства трансформации технологий интернет-коммуникации имеют очевидные следствия, что обусловлено их крайне высокой значимостью как одного из основных ресурсов современных общественных отношений.

Многие специалисты отмечают тот факт, что технологические трансформации в информационно-коммуникационной сфере выступают в качестве мощного фактора, влияющего на общественное развитие (Barber 2003; Innis 2008; Быков, Халл 2011: 151-164; Грачев 2011; Бронников 2015; Быков 2013; Глазунова 2013; Корбат 2013; Никодимов 2014).

По мнению Д. Белла, внедрение и совершенствование технологий передачи и обработки информации позволило говорить о том, что «постиндустриальное общество – это новый принцип социально-технической ор-

ганизации жизни» (Белл 2004: 109), которая характеризуется, прежде всего, увеличением количества и значения информации, а также возрастанием роли информационно-коммуникационных технологий во всех сферах жизнедеятельности людей.

Однако на сегодняшний день подобное понимание особенностей функционирования современного общества представляется нам неполным и требующим более детального изучения. Не случайно ряд специалистов в настоящее время ведет речь о постинформационном обществе, которое не определяется исключительно такой характеристикой, как увеличение объемов информации, доступной для потребления, обмена и использования.

В любом случае мы считаем, что в рамках современного общественного и технологического развития более уместно говорить о начале эпохи функционирования общества, главной отличительной и базовой характеристикой которого является не столько объем генерируемой и распространяемой информации (определяющий компонент общества информационного), сколько наличие принципиально новых технологий и инструментов разнородной глобальной коммуникации, самым непосредственным образом влияющих на форматы и особенности информационно-коммуникационного взаимодействия между людьми, группами граждан, обществом и властью.

Кроме того, современные формы технологий интернет-коммуникации меняют и способы информационного потребления, меняя традиционные, сложившиеся на протяжении веков, представления о роли информации в жизни общества.

Как указывал в своей работе Н. Винер, «человек коммуникационный» живет за счет постоянного обмена информацией с внешней средой, который ему жизненно необходим. Так коммуникация становится одной из ключевых ценностей постинформационного коммуникационного общества (Винер 2001).

М. Маклюэн также выдвинул гипотезу о том, что именно коммуникация (а не информация, знания) становится условием создания капитала нового типа – капитала символического, а современная социальная система основана на коммуникации. Данное представление нашло свое выражение в известном утверждении Маклюэна «The medium is the message» (McLuhan 1994).

Однако оговоримся, что мы не относимся к безусловным сторонникам концепции технологического детерминизма, развиваемой в рамках макросоциологии коммуникации Г. Инниса и М. Маклюэна и приобретающей новое звучание в условиях интенсивного развития интернет-пространства, а также теорий интернетоцентризма и киберутопизма. Как справедливо отмечают Ф. Баннистер и А. Гронлунд, «история все время повторяется, и все новые технологии приветствуются как рассвет новой эры» (Bannister, Gronlund 2017).

По нашему мнению, сами по себе технологии без своего концептуального осмысления и соответствующего содержательного наполнения предполагают лишь наличие определенных технологических возможностей и многовариантности потенциальных векторов общественно-политического

развития (при этом само по себе появление каких-либо возможностей во многом зависит от уровня концептуального и содержательного осмысления существующих технологий).

Безусловно, сами по себе технологии коммуникации являются не более чем инструментом, практика и особенности использования которого определяются непосредственно акторами политических процессов. Кроме того, существующий на сегодняшний день уровень технологического развития в информационно-коммуникационной среде приводит к появлению значительного числа угроз и вызовов, которые могут преобладать над декларируемыми возможностями. Например, под видом демократического транзита в интернет-пространстве зачастую осуществляется внешняя информационная агрессия с целью изменения государственной политической системы, а сам Интернет давно не является открытым пространством, несмотря на огромный потенциал глобальной технологической демократизации.

В данном аспекте мы можем поддержать позицию критиков концепции технологического детерминизма, которые, не отрицая роста влияния Интернета на политику в целом, предлагают акцентировать внимание не на технологических, а на содержательных аспектах современной политики. Так, например, Е. Морозов в своей работе отмечает, что «по мере того как будет расти влияние Интернета на политику (и в авторитарных, и в демократических государствах), будет возрастать и стремление забыть о контексте и исходить из того, что предлагает Интернет. Сама по себе Сеть, однако, не предлагает ничего конкретного» (Морозов 2014: 11).

В свою очередь, ряд авторов в своих работах показали, что современные информационные технологии во многих случаях выступают в качестве мифотворческого инструмента, необходимого для продвижения интересов представителей технологической элиты – носителей идеологии технократической идеологии (Ткач 2014; Curran, Fenton, Freeman 2016).

Одним из таких мифов, как справедливо указывает А. Трахтенберг, является представление о том, что внедрение современных информационных технологий формирует возможности рационального управленческого прогресса, создавая основания для дополнительной рациональной легитимации системы государственного управления как передовой, современной, соответствующей запросам общества (Трахтенберг 2017: 43).

С учетом данных замечаний мы считаем необходимым по-иному расставить акценты при описании характеристик современного общества, перенося основной фокус нашего исследования с феномена информации на феномен коммуникации и выдвигая гипотезу перехода общества от информационной парадигмы к парадигме коммуникационной не столько в технологическом, сколько, прежде всего, в содержательном аспекте.

Вызвано это, в первую очередь, тем фактом, что сама коммуникация приобретает самостоятельное смысловое (не технологическое) и политическое значение, влияя на восприятие транслируемой посредством коммуникационных технологий информации.

По сути, объем информации, которую способен переработать человек, ограничен. И на сегодняшний день в условиях высокой конкуренции в ин-

формационном пространстве за право быть замеченным акторы коммуникативного воздействия вынуждены переносить акценты с контента на разработку и использование доступных и удобных механизмов и каналов массовой коммуникации.

Мы можем предположить, что не столько контент сообщения имеет сегодня важность и значение для массовой аудитории, сколько форматы его трансляции и выбранные для передачи контента коммуникационные каналы.

Успешность любого субъекта коммуникации, в том числе и политической, на сегодняшний день, на наш взгляд, определяется преимущественно именно коммуникационными механизмами, а не контентом сообщения.

Очевидно, что подобный перенос акцентов позволяет нам говорить о существовании общества, в рамках которого основной ценностью уже является не сама информация, а коммуникационные технологии и каналы коммуникации. Не информация, но коммуникативные связи и коммуникационные возможности становятся основной политической ценностью в современном обществе.

Политическая информация вне контекста возможностей ее использования в процессах коммуникационного взаимодействия, по нашему мнению, теряет свою традиционную ценность. Напротив, основной ценностью, в том числе и политической, сегодня выступает возможность коммуникационного взаимодействия, в связи с чем современные коммуникационные технологии нацелены на создание эффективных глобальных форм коммуникации, новых механизмов коммуникационного взаимодействия.

Не случайно М. Кастельс рассматривает формирующуюся сегодня глобальную социальную структуру как сетевое общество, важнейшей чертой которого является не доминирование информации, а изменение направления ее использования, в результате чего определяющую роль в жизни человека обретают глобальные сетевые структуры (Castells 2010). По определению М. Кастельса, Сеть – это множество взаимосвязанных узлов (Castells 2010), формирующих глобальную информационную структуру.

М. Кастельс приходит к выводу, что сетевая структура общества ведет к образованию новой формы коммуникации – массовых самокоммуникаций – и с появлением новых технологий любой индивид, имеющий доступ к глобальной Сети, может построить свою собственную информационную систему, используя продукты Интернета и мобильной связи (Castells 2010: 234-269).

Специфика такого рода ресурсов во многом определяет способы информационно-коммуникационного взаимодействия между представителями современного общества, а также форматы потребления информации и коммуникационной активности в глобальном сетевом пространстве. Внедрение и широкое распространение современных интернет-технологий коммуникации уже значительно изменило и подходы к воздействию на общественное сознание в рамках процессов политического управления. Способы и модели политической коммуникации существенным образом трансформировались и продолжают

трансформироваться, что самым непосредственным образом влияет в глобальных масштабах на всю систему современного политического управления, имеющего коммуникативную основу. В первую очередь речь идет об изменениях, касающихся вопросов распределения власти между государством и обществом.

Кроме того, особо следует отметить важнейшие последствия, связанные с изменениями в самом общественном сознании и вызванные тем, что механизмы, принципы и технологии организации и распространения информации непосредственным образом влияют на то, как современный человек воспринимает и познает мир, включая окружающую его политическую реальность (Neuer 1988: 52).

Многие специалисты сегодня отмечают существенные изменения не только в моделях восприятия информации, но и в способах познания. Например, одним из наиболее актуальных феноменов стало так называемое клиповое сознание, свойственное большинству активных пользователей Интернета.

Огромное разнообразие каналов и форматов получения разнообразной информации приводит к отторжению больших текстов и переходу на максимально упрощенные визуализированные форматы подачи информации. И такие тренды активно используются коммуникаторами в своей работе.

В качестве примера мы можем привести формат так называемых демотиваторов, которые стали популярны в интернет-пространстве и позволяют в максимально доступной форме при помощи ярких визуальных образов и примитивных коротких текстов оказывать влияние на общественное сознание интернет-аудитории.

Помимо демотиваторов в рамках использования упрощенных форматов массовой общественно-политической коммуникации также активно используются мемы и хэштеги, которые по своей сути являются инструментами цифровой стигматизации, позволяющими оперативно в удобной и лаконичной форме осуществить интерпретацию любого политического события, явления, процесса.

В российской практике, например, широко известны такие мемы и хэштеги, как «Партия жуликов и воров», «Взбесившийся принтер», «Госдура», «НемцовМост», «КрымНаш» и мн. др. Использование подобного рода цифровых стигматов позволяет сформировать схематичные и при этом устойчивые интерпретационные модели политической реальности для массового пользователя, заинтересованного в получении удобных, простых и ярких объяснительных моделей происходящих вокруг весьма сложных политических событий и явлений.

Не менее распространенным в современной практике массовых политических коммуникаций в интернет-пространстве является формат флешмоба, в рамках которого для выражения своей позиции (как правило, «за» или «против», что уже само по себе является значительным упрощением) пользователю достаточно совершить элементарное действие (использовать определенный хештег, мем или слоган, разместить определенный графический

символ или фотографию и т.д.) для выражения своей гражданской позиции, не предполагающей зачастую хоть какого-либо анализа окружающей политической действительности и формирующейся на основе простейших пропагандистских установок в Сети (Володенков, Федорченко 2015). Самые свежие примеры политического флешмоба в Рунете – «No Russia – No Games!», посвященный теме недопуска российских спортсменов на Зимнюю Олимпиаду в Пхёнчхане, и «Сбрей усы себе, а не Груднину!»», основанный на обещании кандидата в Президенты от КПРФ П. Груднина сбрить свои усы.

Безусловно, мы можем сделать вывод о том, что современные интернет-технологии массовой коммуникации самым непосредственным образом влияют в глобальных масштабах на модели восприятия и познания мира, быстрыми темпами трансформируя и изменяя характеристики общественного сознания. По сути, мы переходим от модели «человек разумный» к модели «человек виртуальный».

Глобальный процесс изменения способов коммуникации коренным образом изменяет и само общество: сегодня мы можем наблюдать неуклонную тенденцию дифференциации общества по источникам, технологиям и способам потребления информации, в результате чего формируются две принципиально различные группы людей: потребителей классических СМИ (преимущественно телевидения), получающих готовый информационный продукт и соответствующую информационную повестку дня, а также интернет-пользователей, способных осуществлять самостоятельный отбор и производить критический анализ получаемой информации.

Данной позиции придерживался и авторитетный итальянский ученый У. Эко, считавший, что с 1990-х гг. началось разделение культур аналогично эпохе Средневековья, в которой существовали те, кто мог самостоятельно читать тексты и критически оценивать различные религиозные и научные концепции, а также те, кто потреблял лишь готовые, отобранные и одобренные Церковью образы (Эко 1998).

Российское общество также постепенно дифференцируется по типам источников получения информации и по степени доверия к ним. Если традиционные СМИ – телевидение, пресса и радио – являются основным источником общественно-политической информации для большинства россиян, являющихся сельскими жителями, то проживающие в мегаполисах и крупных городах россияне демонстрируют иную модель информационного потребления: для них основным источником информации выступают интернет-ресурсы, а также окружающие их знакомые люди, к которым можно причислить и членов сетевых сообществ.

Учитывая, что в большинстве случаев именно крупные города являются площадками организации и осуществления политических протестов, а интернет-аудитория, как показывает современная практика, является наиболее политически активной (Быков, Халл 2011) (здесь, по нашему мнению, действует принцип Парето), уже в ближайшем будущем мы можем столкнуться с ситуацией, в которой основное влияние на реальные политические процессы будет оказываться со стороны лишь одной из обозначенных двух групп потребления информации.

При этом дифференциация общества будет только нарастать, что повлечет соответствующие общественно-политические и социальные эффекты.

Наблюдаемые сегодня существенные различия в традиционном медиaprостранстве и Интернете в части актуальной информационной повестки дня, тональности освещения и интерпретации политических событий и процессов, обсуждаемой общественно-политической проблематики уже приводят к значительным отличиям в восприятии политической реальности и оценке политической действительности традиционной частью общества и интернет-сообществом (Чугунов 2006).

Здесь уместно вспомнить канадского исследователя Дж. Мейровица, который, объединив анализ электронных средств коммуникации с описанием механизмов социального взаимодействия (Грачев 2011: 166), ввел понятия «псевдособытие» (представленное через СМИ) и «действительное событие» (политическая реальность).

Виртуальные псевдособытия в Интернете и псевдособытия в традиционном медиaprостранстве, на основе которых и формируются представления людей о политической реальности, могут весьма отличаться друг от друга.

Порой такие расхождения становятся существенными, формируя, по сути, две массовые глобальные аудитории, имеющие абсолютно несхожие между собой представления о политических процессах и событиях, что неизбежно ведет к непониманию между представителями данных аудиторий в силу наличия в их сознании принципиально неидентичных псевдореальностей.

Современные процессы информационно-коммуникационной трансформации функционирования общества ведут и к значимым изменениям традиционного общественного уклада. Активизация общественно-политических процессов в интернет-пространстве тесно связана с нарастающей виртуализацией публичной политики, выходом на первый план в качестве инструмента политики искусственно создаваемых виртуальных образов, которые становятся одной из основных форм существования любой политической силы в публичном пространстве.

Один из важных аспектов проблемы – виртуализация реальности для массового пользователя интернет-пространства, в рамках которого формируется отдельная, искусственно сконструированная, реальность, вмещающая в себя множество симулякров, по терминологии Бодрийяра. Данная тенденция является глобальной, и на сегодняшний день представления пользователей Сети о реальном мире носят преимущественно искусственный характер.

Как пишет российский социолог Д. Иванов, «в сети и функционеры политических партий/движений, и работники государственных учреждений, и граждане осуществляют коммуникацию посредством технологии, которая в принципе позволяет вести коммуникацию не в формате партийной организации или бюрократической процедуры... Тем самым в условиях отсутствия реального институционализированного взаимодействия поддерживается образ “действующей организации” или “работающего государства”».

Интенсивная политизация киберпространства наглядно демонстрирует, что новая политика строится на компенсации дефицита реальных ресурсов и поступков избытием образов» (Иванов 2002: 109).

Также весьма интересной представляется позиция известного теоретика информационного общества Ё. Масуда, по мнению которого современное общество становится бесклассовым, а вместо классов появляются информационные сообщества (Masuda 1981: 15-26).

Ё. Масуда предложил модель, в соответствии с которой в основе формирования демократии участия лежат современные информационно-коммуникационные технологии, чем заложил теоретический фундамент концепции электронной демократии, актуальной сегодня (Быков 2005).

Мы консолидируемся с позицией Масуды в аспекте выделения в условиях современного общества информационных сообществ, однако считаем, что более уместно с учетом реалий сегодняшнего дня говорить уже о коммуникационных сообществах, имеющих свои правила, регламенты, форматы потребления информации.

Многие из данных сообществ имеют при этом, вопреки теории Маклюэна о глобальной деревне, тенденцию к закрытости (например, непубличные закрытые группы в Facebook), вызывая новые эффекты в рамках интернет-пространства, изначально позиционирующегося как открытое.

Не случайно М. Кастельс признавал, что развитие коммуникационных систем не соответствует прогнозам М. Маклюэна в полной мере и, «хотя СМИ действительно стали глобально взаимосвязанными, а программы и сообщения циркулируют в глобальной Сети, мы живем не в глобальной деревне, но в построенных по заказу коттеджах, производящихся глобально, а распределяемых локально» (Castells 2010: 327).

Говоря о влиянии сетевых технологий на политические процессы в современном обществе, также необходимо рассмотреть позицию Дж. Нэбита и П. Эбурдин, которые прогнозируют трансформацию современных политических режимов и переход от классической модели представительной демократии к моделям демократии соучастия и совместного действия, что может быть обеспечено посредством внедрения в современную политическую практику интерактивных форм информационно-коммуникационного взаимодействия государства и общества, позволяющих активно включаться в процессы обсуждения и выработки политических решений большим группам населения¹. При этом следует особо отметить возможность организации подобного взаимодействия не только на национальном, но и на глобальном уровне.

¹ В современной российской политической практике также можно найти примеры того, как демократия соучастия постепенно становится инструментом при принятии важных решений. Так, будучи Президентом России, Дмитрий Медведев впервые предоставил возможность любому гражданину страны участвовать в онлайн-обсуждении проекта закона о полиции, в результате чего россияне внесли десятки тысяч поправок и замечаний в проект, который был доработан экспертами по результатам всенародного обсуждения в Интернете.

По мнению Б. Барбера, такого рода демократия соучастия, которая должна заменить под влиянием новых информационных технологий представительную форму демократии, значительно снизит роль представительства профессионалов в сфере политики и сделает политическое управление, осуществляемое экспертами и бюрократами, бесполезным (Barber 2003: 118-146), в связи с чем широко обсуждаемая сегодня специалистами концепция экспертной демократии может оказаться неактуальной уже на ранней стадии своего развития.

Следует заметить, что, в противовес позиции Дж. Нэсбит и П. Эбурдин, считающих, что современные технологии коммуникации в значительной мере обеспечивают демократизацию даже в авторитарных системах посредством предоставления членам гражданского общества широких возможностей контроля над собственными правительствами (Нэсбит, Эбурдин 1992: 347), мы полагаем подобный подход в определенной степени спорным, так как современные технологии коммуникации в интернет-пространстве активно используются и самими государствами, в связи с чем оценить соотношение возможностей граждан и власти в плане контроля за действиями друг друга весьма затруднительно; можно предположить, что государство имеет значительно больше возможностей контроля за гражданами в Сети.

Кроме того, ряд экспертов критически относятся к возможностям Интернета в аспекте демократизации общества. И. Быков пишет о том, что Интернет не способен самостоятельно инициировать демократизацию авторитарных режимов. Что же касается электронной демократии, то данная концепция в современной политической практике не доказала своей жизнеспособности ввиду того, что в подавляющем большинстве существующих сегодня демократических режимов активно функционируют институты общественного посредничества, стремящиеся к сохранению своего общественно-политического влияния (Быков 2005).

Говоря о влиянии коммуникационных технологий на политические отношения, необходимо также упомянуть Г. Инниса – одного из основателей Торонтской школы коммуникативистики. В своих работах Иннис показал зависимость политической составляющей государственной системы и общественного развития от типа используемых в конкретном обществе коммуникационных технологий. По мнению Инниса, большинство кардинальных изменений и трансформаций в общественно-политическом устройстве современных государств, а также ключевые характеристики социально-политической структуры общества определяются технологическими особенностями способов и форм коммуникации, осуществляемой в рамках общественно-государственной системы. При этом использование любого типа коммуникации неизбежно сопровождается соответствующими социально-политическими эффектами в таких обществах (Innis 1950; Innis 2008).

Отсюда, по нашему мнению, логично вытекает неизбежность уже в ближайшем будущем глобальных трансформаций в сфере политического управления, связанных с интенсивным развитием коммуникационных интернет-технологий.

Рассматривая представления Инниса с позиций анализа Интернета как современного пространства политических коммуникаций, следует отметить, что подобный подход к пониманию роли средств коммуникации в общественном развитии приводит нас к выводу о высокой вероятности формирования новой архитектуры общественного устройства на основе существующего сегодня информационного общества. Развитие и проникновение интернет-технологий коммуникации в систему функционирования современного государства и общества, согласно логике Инниса, также должно привести к глобальным кардинальным изменениям в общественно-политическом устройстве технологически развитых держав.

Позиции Инниса во многом созвучна и позиция Рональда Дейберта, который, рассуждая о роли политических коммуникаций и их влиянии на современное общество, подчеркивает: «Поскольку коммуникации являются жизненно важной частью человеческого существования, постольку любые изменения в способах коммуникации имеют существенные последствия для распределения власти внутри общества, для изменения индивидуального и социального сознания, а также для пересмотра общественных ценностей» (Deibert 1997: 6).

Учитывая тот факт, что любое политическое управление тесно связано с общественным сознанием и ценностями общества, можно утверждать, что такого рода изменения, о которых говорит Дейберт, самым непосредственным образом определяют и характеристики всей системы современного политического управления.

Мы поддерживаем позицию относительно влияния коммуникационных технологий на характер развития современного общества и общественно-политическое устройство современных государств. Как показывает анализ актуальной политической практики, по мере проникновения интернет-технологий коммуникации в политическое пространство меняются модели и механизмы взаимодействия власти и общества, создаются новые публичные институты, функционирующие на основе современных форм коммуникации (например, институты «Открытых Правительств», онлайн-партии и общественные организации, в том числе экстремистского толка), появляются новые возможности влияния как на представителей власти, так и на политические режимы в целом.

Исходя из представлений Инниса о развитии западной цивилизации по «пространственной» траектории на основе применения соответствующих средств массовой коммуникации, относящихся к «пространственному» типу, мы можем проследить логику эволюции данного типа средств массовой коммуникации до сегодняшнего дня и сделать вывод о том, что информационно-коммуникационные ресурсы в интернет-пространстве являются своего рода средством и инструментом противодействия системному кризису развития западной цивилизации за счет существенного увеличения «пространственности» интернет-технологий массовой коммуникации, обладающих свойством экстерриториальности, необходимым для осуществления внешней экспансии и расширения «империй», о которых писал Иннис, в глобальных масштабах.

При этом интернет-технологии массовой коммуникации в силу своей экстерриториальности предоставляют возможность технологически развитым западным государствам не просто бороться за ту или иную территорию в ее традиционном понимании, а предпринимать попытки доминирования на глобальном уровне, что соответствует теоретическим выводам об ориентированности западных государств на дальнейшее расширение по «милитаристскому» пути, сделанным Иннисом в своих работах, а также подтверждается практикой последних лет.

Представления Инниса о роли коммуникаций в процессе развития цивилизаций и в обеспечении возможностей государства в плане контроля собственных территорий приобретают новое звучание в условиях развития современных коммуникационных интернет-технологий, позволяющих технологически развитым государствам не только контролировать собственные территории, но и активно осуществлять информационно-коммуникационное влияние на другие государства в весьма широких пределах¹.

Принимая во внимание тот факт, что понятие территории, применительно к характеристикам информационно-коммуникационного пространства политики, в современных условиях постепенно трансформируется в виртуальную конструкцию, проблема суверенного существования неготовых к технологическому противостоянию в информационно-коммуникационной сфере государств и обществ приобретает особую актуальность, что акцентирует современную политическую проблематику на вопросах информационного и технологического неравенства государств.

Таким образом, следует констатировать, что изменения информационно-коммуникационных технологий в Интернете значимым образом влияют и на функционирование самого общества, и на всю систему политического управления.

Безусловно, мы не абсолютизируем роль и значение современных интернет-технологий, поскольку на сегодняшний день традиционные каналы коммуникации, а также традиционные формы потребления информации по-прежнему остаются во многом актуальными, на что справедливо указывают многие авторы, критикующие различного рода концепции киберутопизма. Более того, как отмечает А. Трахтенберг, политическое управление выстраивается «с учетом последних достижений технологического прогресса на текущий период, однако при этом базовый тезис о кардинальной трансформации классической “веберовской” системы государственного управления под влиянием информационных технологий остается в неприкосновенности» (Трахтенберг 2017: 44).

Тем не менее при этом очевидным нам представляется тот факт, что модели политического управления, предполагающие использование сугу-

¹ Однако заметим, что у государств-«мишеней» существуют технологические возможности для защиты от информационной агрессии. Кроме того, зачастую представления о степени и характере внешнего влияния могут быть чрезмерно гипертрофированными (например, как в случае с «атакой русских хакеров» и влиянием России на исход выборов в США в 2016 г.).

бо традиционных средств массовой коммуникации, постепенно будут терять свою актуальность и эффективность, объективно замещаясь новыми формами политической коммуникации в сетевом коммуникативном пространстве.

Впрочем, одномоментного замещения одного типа коммуникации другим, по нашему мнению, не произойдет (Песков 2002), в связи с чем субъекты политического управления будут вынуждены при осуществлении глобальных управленческих воздействий ориентироваться одновременно как на традиционную, так и на интернет-аудиторию, проводя интегрированные информационно-коммуникационные кампании, рассчитанные на обе целевые аудитории, имеющие существенные отличия друг от друга уже сегодня.

Следует отметить, что неизбежной представляется трансформация и российского политического пространства, в рамках которого в течение продолжительного времени наблюдалась недооценка потенциала технологий интернет-коммуникации, притом что само гражданское общество в России традиционно существовало в условиях ограниченности политической информации, которая дозированно транслировалась по традиционным вертикальным каналам массовой информации, подконтрольным государству (Овчинников 2002).

На сегодняшний день, исходя из анализа современной зарубежной и российской политической реальности, а также в результате изучения коммуникационных практик, внедряемых в процессы жизнедеятельности современного общества в политической сфере, мы можем сделать вывод о том, что интернет-технологии коммуникации все в большей степени становятся основой информационно-коммуникационного взаимодействия власти и общества в сфере политики и выступают мощным фактором эволюции традиционных моделей общественно-политического устройства в глобальных масштабах. Однако открывается ли при этом новый спектр возможностей для общественно-политического развития либо же мы имеем дело с новыми политическими вызовами и угрозами – данный вопрос является по-прежнему открытым.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Белл Д. 2004. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М. : Academia. 788 с.

Бронников И.А. 2015. Политическое пробуждение в информационном обществе // PoliBook. № 2. С. 33-47.

Быков А.В. 2013. Интернет и демократия – перспективы развития // Вестн. Омск. юрид. акад. № 2 (21). С. 8-11.

Быков И.А. 2005. «Электронная демократия» vs «электронное правительство»: концептуальное противостояние? // ПОЛИТЭКС : Полит. экспертиза. № 3. С. 69-79.

Быков И.А., Халл Т.Э. 2011. Цифровое неравенство и политические предпочтения Интернет-пользователей в России // ПОЛИС : Полит. исслед. № 5. С. 151-164.

Винер Н. 2001. Человеческое использование человеческих существ: кибернетика и общество // Винер Н. Человек управляющий. СПб. : Питер. 288 с.

Володенков С.В., Федорченко С.Н. 2015. Флэшмоб как сетевая технология современного политического менеджмента (на примере России и США) // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та : (электрон. журн.). № 3. С. 1-18.

Глазунова С.А. 2013. Нетократия как социальная практика информационного общества // Вестн. Твер. гос. тех. ун-та. Сер. «Науки об обществе и гуманитар. науки». Вып. 2. С. 20-25.

Грачев М.Н. 2011. Политика: коммуникационное измерение. Тула : Изд-во Тульск. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого. 172 с.

Дмитриев А.В. 2002. Интернет как инструмент политической борьбы: проблемы и перспективы // Вестн. Рос. гос. науч. фонда. № 4. С. 73-81.

Иванов Д.В. 2002. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб. : Петербург. Востоковедение. 224 с.

Кононов М. 2008. Современные информационно – политические технологии в российском избирательном процессе // Власть. № 7. С. 75-78.

Корбат Ф.Е. 2013. Кибер-демократия как развитие информационной политики // Изв. высш. учеб. заведений. Поволжский регион. Обществ. науки. № 4 (28). С. 17-29.

Морозов Е. 2014. Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети. М. : АСТ : Corpus. 570 с.

Никодимов И.Ю. 2014. Информационное общество как структурно-функциональный институт политической системы современной России // Историческая и социально образовательная мысль. № 4 (26). С. 193-195.

Нэсбит Дж., Эбурдин П. 1992. Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции. Год 2000. М. : Республика. 415 с.

Овчинников Б.В. 2002. Виртуальные надежды: состояние и перспективы политического Рунета // ПОЛИС : Полит. исслед. № 1. С. 45-65.

Песков Д.Н. 2002. Интернет в российской политике: утопия и реальность // ПОЛИС : Полит. исслед. № 1. С. 31-45.

Соленикова Н.В. 2007. Политический Интернет в российских избирательных кампаниях: тенденции развития // ОНС : Обществ. науки и современность. № 5. С. 69-74.

Трахтенберг А.Д. 2017. Идеологический концепт электронного правительства: как работает риторика разрыва? // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Т. 17, вып. 2. С. 41-58.

Чернов А.А. 2003. Становление глобального информационного общества: Проблемы и перспективы. М. : Дашков и К. 232 с.

Чугунов А.В. 2006. Российская Интернет-аудитория в зеркале социологии. СПб. : Изд-во С.-Петербурга. гос. ун-та. 320 с.

Эко У. 1998. «От Интернета к Гуттенбергу: текст и гипертекст». Отрывки из публичной лекции в МГУ // Новое лит. обозрение. № 32. С. 5-14.

Bannister F., Gronlund A. 2017. E-Government Research: A brief history // Proceedings of the 50th Hawaii International Conference on System Sciences. Hawaii, 4-7 Jan. P. 2943-2952.

Barber B. 2003. Strong Democracy: Participatory Politics for a New Age. Berkeley : Univ. of California Press. 356 p.

Castells M. 2010. The Rise of the Network Society. The Information Age. Economy, Society, and Culture. Oxford : The Wiley-Blackwell. 656 p.

Curran J., Fenton N., Freeman D. 2016. Misunderstanding the Internet. London : Routledge, 234 p.

Deibert R.J. 1997. Parchment, Printing and Hypermedia: Communications in World Order Transformation. New York : Columbia Univ. Press. 334 p.

- Heyer P. 1988. *Communications and History: Theories of Media, Knowledge, and Civilization*. New York : Greenwood Press. 197 p.
- Hine C. 2005. *Virtual Methods: Issues in Social Research on the Internet*. Oxford : Berg Publishers. 256 p.
- Hunt J. 1994. *The Post-Information Society* // *The Virginia Quarterly Review*. Winter. P. 38-50.
- Innis H. 1950. *Empire and Communications*. Oxford : Clarendon Press. 219 p.
- Innis H. 2008. *The Bias of Communication*. Toronto : Toronto Univ. Press. 304 p.
- Masuda Y. 1981. *The information Society as Post-Industrial Society*. Bethesda, MD : World Future Society. 179 p.
- McLuhan M. 1994. *Understanding media: The extensions of man*. Cambridge : MIT Press. 355 p.
- Schramm W. 1964. *Mass Media and National Development: The Role of Information in the Developing Countries*. Stanford : Stanford Univ. Press. 333 p.
- Tkacz N. 2014. *Wikipedia and the Politics of Openness*. Chicago, Mich. : Univ. of Chicago Press. 224 p.

S. Volodenkov. Rol' informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy v sovremennoy politike [The role of information and communication technologies in contemporary politics], *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 69–86. (in Russ.).

Sergey V. Volodenkov, Doctor of Political Science, Associate Professor, Faculty of Political Science, Department of Public Policy, Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: s.v.cyber@gmail.com

Article received 05.03.2018, accepted 15.05.2018, available online 01.07.2018

THE ROLE OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES IN CONTEMPORARY POLITICS

Abstract. The article is devoted to the issues related to impact peculiarities of technological transformations in information and communication sphere over the processes of political development. The main aspect is studying and analyzing the potential of contemporary information and communication technologies as an instrument aimed at influencing public consciousness. It is shown that the development of information and communication technologies in the Internet space greatly affects the substantive parameters of functioning of modern political regimes, as well as contributes to the evolution of traditional models of democracy. It is proved that today the society is formed where the main value is no longer the information itself, but communication technologies and channels of communication. Not information, but communication connection and communication capabilities are the primary political value in contemporary society. According to the author, political information outside the context of possibilities of its use in the processes of communication interaction loses its traditional value. In contrast, today the core value including political one is the possibility of communication interaction, in connection with which modern communication technologies are aimed at forming effective global

forms of communication, as well as the creation of new communication mechanisms of interaction.

The political stability of contemporary political systems depends on important factors such as information and communication potential of socio-political relations, and the effectiveness of its implementation in current political practice of both state and civilian actors. Special demands are made on organization and implementation of the processes of contemporary political governance both in internal and external environment, which today takes place in the conditions of active competition in national and global communication space.

The conclusion is made that technological change of information and communication technologies in the Internet in a meaningful way affect both the functioning of the society, and the entire system of political governance. At the same time, political management model, which involves the use of a purely traditional media, will lose its relevance and effectiveness, and objectively would be replaced by new forms of political communication in the network communication space.

Keywords: post-information society; communication technologies; Internet space; network community; models of democracy.

References

Bannister F., Gronlund A. E-Government Research: A brief history, *Proceedings of the 50th Hawaii International Conference on System Sciences*. Hawaii, 4-7 Jan., 2017, pp. 2943-2952.

Barber B. *Strong Democracy: Participatory Politics for a New Age*, Berkeley, Univ. of California Press, 2003, 356 p.

Bell D. *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo: opyt sotsial'nogo prognozirovaniya* [The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting], Moscow, Academia, 2004, 788 p. (in Russ.).

Bronnikov I.A. *Politicheskoe probuzhdenie v informatsionnom obshchestve* [Political awakening in the information society], *PoliBook*, 2015, no. 2, pp. 33-47. (in Russ.).

Bykov A.V. *Internet i demokratiya – perspektivy razvitiya* [Internet and democracy perspectives of development], *Vestnik Omskoy yuridicheskoy akademii*, 2013, no. 2 (21), pp. 8-11. (in Russ.).

Bykov I.A. «Elektronnaya demokratiya» vs «elektronnoe pravitel'stvo»: kontseptual'noe protivostoyanie? [«Electronic democracy» vs «electronic government»: a conceptual confrontation?], *POLITEKS: Politicheskaya ekspertiza*, 2005, no. 3, pp. 69-79. (in Russ.).

Bykov I.A., Khall T.E. *Tsifrovoe neravenstvo i politicheskie predpochteniya Internet-pol'zovateley v Rossii* [Digital inequality and political preferences of Internet users in Russia], *POLIS: Politicheskie issledovaniya*, 2011, no. 5, pp. 151-164. (in Russ.).

Castells M. *The Rise of the Network Society. The Information Age. Economy, Society, and Culture*, Oxford, The Wiley-Blackwell, 2010, 656 p.

Chernov A.A. *Stanovlenie global'nogo informatsionnogo obshchestva: Problemy i perspektivy* [The Emergence of the Global Information Society: Challenges and Prospects], Moscow, Dashkov i K, 2003, 232 p. (in Russ.).

Chugunov A.B. *Rossiyskaya Internet-auditoriya v zerkale sotsiologii* [Russian Internet audience in the mirror of sociology], St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterburg. gos. un-ta, 2006, 320 p. (in Russ.).

Corbat F.E. *Kiber-demokratiya kak razvitie informatsionnoy politiki* [Cyber Democracy AS Information Policy Development], *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy*

region. *Obshchestvennye nauki*, 2013, no. 4 (28), pp. 17-29. (in Russ.).

Curran J., Fenton N., Freeman D. *Misunderstanding the Internet*, London, Routledge, 2016, 234 p.

Deibert R.J. *Parchment, Printing and Hypermedia: Communications in World Order Transformation*, New York, Columbia Univ. Press, 1997, 334 p.

Dmitriev A.B. *Internet kak instrument politicheskoy bor'by: problemy i perspektivy* [Internet as an instrument of political struggle: problems and prospects], *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo nauchnogo fonda (RGNF)*, 2002, no. 4, pp. 73-81. (in Russ.).

Eko U. «Ot Interneta k Guttenbergu: tekst i gipertekst». *Otryvki iz publichnoy lektzii v MGU* [«From the Internet to Gutenberg: text and hypertext». Excerpts from a public lecture at Moscow State University], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1998, no. 32, pp. 5-14. (in Russ.).

Glazunova S.A. *Netokratiya kak sotsial'naya praktika informatsionnogo obshchestva* [Netocracy as the social practice of the information society], *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Ser. «Nauki ob obshchestve i gumanitarnye nauki»*, 2013, iss. 2, pp. 20-25. (in Russ.).

Grachev M.N. *Politika: kommunikatsionnoe izmerenie* [Politics: communication dimension], Tula, Izd-vo Tul'sk. gos. ped. un-ta im. L.N. Tolstogo, 2011, 172 p. (in Russ.).

Heyer P. *Communications and History: Theories of Media. Knowledge, and Civilization*, New York, Greenwood Press, 1988, 197 p.

Hine C. *Virtual Methods: Issues in Social Research on the Internet*, Oxford, Berg Publishers, 2005, 256 p.

Hunt J. The Post-Information Society, *The Virginia Quarterly Review*, 1994, winter, pp. 38-50.

Innis H. *Empire and Communications*, Oxford, Clarendon Press, 1950, 219 p.

Innis H. *The Bias of Communication*, Toronto, Toronto Univ. Press, 2008, 304 p.

Ivanov D.V. *Virtualizatsiya obshchestva. Versiya 2.0* [Virtualization of society. Version 2.0], St. Petersburg, Peterburg. Vostokovedenie, 2002, 224 p. (in Russ.).

Kononov M. *Sovremennye informatsionno – politicheskie tekhnologii v rossiyskom izbratel'nom protsesse* [Contemporary information and political technologies in the Russian election process], *Vlast'*, 2008, no. 7, pp. 75-78. (in Russ.).

Masuda Y. *The information Society as Post-Industrial Society*, Bethesda, MD, World Future Society, 1981, 179 p.

McLuhan M. *Understanding media: The extensions of man*, Cambridge, MIT Press, 1994, 355 p.

Morozov E. *Internet kak illyuziya. Obratnaya storona seti* [The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom], Moscow, ACT, Corpus, 2014, 570 p. (in Russ.).

Naisbitt J., *Aburdene P. Chto nas zhdet v 90-e gody. Megatendentsii. God 2000* [What awaits us in the 90s. Megatrends. Year 2000], Moscow, Respublika, 1992, 415 p. (in Russ.).

Nikodimov I.Yu. *Informatsionnoe obshchestvo kak strukturno-funktional'nyy institut politicheskoy sistemy sovremennoy Rossii* [Information society as a structural and functional institution within the political system of the contemporary Russia], *Istoricheskaya i sotsial'no obrazovatel'naya mysl'*, 2014, no. 4 (26), pp. 193-195. (in Russ.).

Ovchinnikov B.V. *Virtual'nye nadezhdy: sostoyanie i perspektivy politicheskogo Runeta* [Virtual hopes: the state and prospects of the political Runet], *POLIS : Politicheskie issledovaniya*, 2002, no. 1, pp. 45-65. (in Russ.).

Peskov D.N. *Internet v rossiyskoy politike: utopiya i real'nost'* [Internet in Russian politics: utopia and reality], *POLIS : Politicheskie issledovaniya*, 2002, no. 1, pp. 31-45. (in Russ.).

Schramm W. *Mass Media and National Development: The Role of Information in the Developing Countries*, Stanford, Stanford Univ. Press, 1964, 333 p.

Solenikova N.V. *Politicheskiy Internet v rossiyskikh izbiratel'nykh kampaniyakh: tendentsii razvitiya* [Political Internet in Russian Election Campaigns: Development Trends], *ONS : Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2007, no. 5, pp. 69-74. (in Russ.).

Tkacz N. *Wikipedia and the Politics of Openness*, Chicago, Mich., Univ. of Chicago Press, 2014, 224 p.

Trakhtenberg A.D. *Ideologicheskiiy kontsept elektronnoy pravitel'stva: kak rabotaet ritorika razryva?* [E-Government as ideological concept: how does rupture talk function?], *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 41-58. (in Russ.).

Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N. *Fleshmob kak setevaya tekhnologiya sovremennogo politicheskogo menedzhmenta (na primere Rossii i SShA)* [Flashmob as the network technology of modern political management (for example, Russia and the United States)], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta : (elektronnyy zhurnal)*, 2015, no. 3, pp. 1-18. (in Russ.).

Wiener N. *Chelovecheskoe ispol'zovanie chelovecheskikh sushchestv: kibernetika i obshchestvo* [Human use of human beings: cybernetics and society], *Viner N. Chelovek upravlyayushchiy*, St. Petersburg, Piter, 2001, 288 p. (in Russ.).